

Андреас Умланд

Типичная разновидность европейского правого радикализма? Четыре особенности Всеукраинского объединения «Свобода» в сравнительной перспективе*

Заметный успех у избирателей в 10,4% голосов Всеукраинского объединения «Свобода» Олега Тягнибока на парламентских выборах октября 2012 г. по системе пропорционального представительства стал сюрпризом для большинства украинских и международных политических наблюдателей – не исключая и автора этих строк¹. Но если рассматривать это событие в его общеевропейском контексте, то даже в таком значительном результате ультранационалистической партии нет ничего экстраординарного, на что уже было указано в статьях двух ведущих специалистов по постсоветскому украинскому правому экстремизму – Вячеслава Лихачева² и Антона Шеховцова³. Во первых, в рамках смешанной избирательной системы «Свобода» в конечном счете получила менее 10% из 450 мандатов и, тем самым, лишь небольшую фракцию в Верховной Раде.

---

* Сокращенный вариант статьи ранее публиковался в киевской газете *Зеркало недели* (2012. № 47).

¹ Umland A. Die andere Anomalie der Ukraine: Ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen // *Ukraine-Analysen*. 2008. № 41. P. 7-11; Умланд А. Крайне слабые // *Корреспондент*. 19 июня 2008. <http://blogs.korrespondent.net/opinions/497561-mnenie-krajne-slabye>. Последнее посещение 22 сентября 2013; он же. В преддверии изменений: о политическом взлете «Свободы» // *Украинская правда*. 26 октября 2010. <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/10/26/5515140/>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

² Лихачев В. Правый экстремизм в Украине на подъеме, ч. 1 // *Евроазиатский еврейский конгресс: аналитика*. 29 октября 2012. <http://eajc.org/page18/news34105.html>. Последнее посещение 22 сентября 2013; он же. Правый экстремизм в Украине на подъеме, ч. 2 // *Евроазиатский еврейский конгресс: аналитика*. 29 октября 2012. <http://eajc.org/page18/news34106.html>. Последнее посещение 22 сентября 2013; он же. Социал-националисты в Раде: как они туда попали и чего от них ждать // *Евроазиатский еврейский конгресс: аналитика*. 15 ноября 2012. <http://eajc.org/page18/news34514.html>. Последнее посещение 22 сентября 2013; он же. Тягнибок и все-все-все: «Свобода» в общеевропейском контексте // *Евроазиатский еврейский конгресс: аналитика*. 10 февраля 2013. <http://eajc.org/page18/news36306.html>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

³ Shekhovtsov A. The Creeping Resurgence of the Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. № 2. P. 203-228; idem. Ukraine - The Far Right in Parliament for the First Time // *Open Democracy*. 1 ноября 2012. <http://www.opendemocracy.net/od-russia/anton-shekhovtsov/ukraine-far-right-in-parliament-for-first-time>. Последнее посещение 22 сентября 2013; idem. From Para-militarism to Radical Right-wing Populism: The Rise of the Ukrainian Far-right Party Svoboda // *Right Wing Populism in Europe: Politics and Discourse* / Ed. R. Wodak, B. Mral, M. Khosravinik. L., 2013. P. 249-263.

Относительная необычность взлета «Свободы»

Во вторых, за последние десятилетия значительных выборных успехов добились не только европейские правопопулистские партии, такие как Австрийская партия свободы (FPÖ) или Швейцарская народная партия (SVP). Также и выражено ультранационалистические партии с радикальными идеологиями и сомнительным прошлым, во многом сходные со «Свободой» и ее предшественницей Социал-национальной партией Украины (СНПУ), достигли как в Западной, так и в Восточной Европе аналогичных или даже более высоких результатов у избирателей своих стран⁴. Достаточно вспомнить, например:

- 22,9%, отданных за т.н. Либерально-демократическую партию России Владимира Жириновского на выборах в Государственную думу РФ в 1993 г.,

- 27,3% и 49,1% проголосовавших за Воислава Шешеля, лидера Сербской радикальной партии, в соответственно первом и втором турах президентских выборов Сербии сентября-октября 1997 г.,

- 16,9% и 17,8%, отданных за Жана-Мари Ле Пена, лидера Национального фронта, в соответственно первом и втором турах президентских выборов Франции 2002 г., или же

- 16,7% голосов за Движение «За лучшую Венгрию» (Йоббик) на венгерских парламентских выборах 2010 г.

В некоторых предыдущих шумных избирательных успехах правых экстремистов, как и в случае со «Свободой», тоже содержался элемент неожиданности, т.е. результаты предвыборных опросов также оказывались значительно ниже результатов, полученных этими партиями на выборах. Аналогично, например, значительному расхождению между данными соцопросов и неожиданно высоким результатом на думских выборах в 1993 г. партии Жириновского ЛДПР, «Свобода» получила почти вдвое больше голосов, чем прогнозировали различные институты по исследованию общественного мнения накануне выборов.

Некоторые другие особенности «Свободы» в украинской партийной системе и в контексте международного ландшафта ультранационалистических движений также являются хотя и достойными внимания, но не уникальными. Например, высокий географический дисбаланс избирателей украинской праворадикальной партии, особенно ее глубокое укоренение на Галичине, напоминает сильную позицию бельгийской партии «Фламандский интерес» (Vlaams Belang) во Фландрии. География электората «Свободы» в определенном смысле является зеркальным отражением выборной поддержки Коммунистической партии Украины. В то время как коммунисты получают львиную долю избирательных голосов от жителей юга и востока страны, националистов поддерживает центр и запад Украины.

---

⁴ Шеховцов А. Новые праворадикальные партии в европейских демократиях: причины электоральной поддержки. Explorations of the Far Right. Vol. 1. Stuttgart, 2011.

Недавно социолог Алина Полякова из Калифорнийского университета в Беркли (США) установила в полевом исследовании соотношение между ростом организованного националистами гражданского общества в галицком третьем секторе и успехом партии «Свобода» на выборах на Галичине⁵. Хотя это, безусловно, интересное и достойное отдельного внимания исследование, но и эта корреляция не представляет собой уникального явления на фоне истории современного европейского ультранационализма.

Американский социолог, применяя Метод различия Милля, известный в политической компаративистике и под названием Дизайн наиболее схожих систем (Most Similar Systems Design), провела контрастное сравнение соседних регионов Галичины и Волыни включая Ровненскую область. Несмотря на территориальное соседство, а также очень похожие демографические и социально-экономические характеристики двух регионов, галичане и волыняне по-разному поддержали партию «Свобода» на областных и местных выборах 2009-2010 гг. Тогда как в трех галицких областях «Свобода» получила в среднем 25,7% на выборах марта 2009 г. и октября 2010 г., в Волынской и Ровненской областях она получила в среднем лишь 6,9%. В своем исследовании Полякова демонстрирует, как рост целенаправленно поддерживаемого «Свободой», часто неформально функционирующего националистического гражданского общества, особенно среди молодежи Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей, стал важной предпосылкой для – даже по сравнению с остальной частью Западной Украины – необычно высокого результата «Свободы» на выборах 2009 и 2010 гг.

Это заключение освещает в новом свете скачок популярности «Свободы» Тягнибока в самом «европейском» регионе Украины. Однако, как таковая эксплуатация правыми экстремистами структур гражданского общества и последующий успех ультранационалистических партий на выборах не является украинским нововведением. Слияние правого экстремизма и гражданского общества, например, характерно для постсоветского российского политического ландшафта⁶. Аналогичные развития можно было наблюдать еще в Веймарской республике 1918 – 1933 гг. Захват власти Гитлером был подготовлен глубоким инфицированием немецких гражданских структур (профсоюзов, церквей, клубов и т.п.) меж-

---

⁵ Polyakova A. Organizing Nationalism: How the Radical Right Succeeds and Fails in Ukraine // IREX Scholar Research Brief. 2012. February. http://www.irex.org/sites/default/files/Scholar%20Research%20Brief_Polyakova.pdf. Последнее посещение 22 сентября 2013.; idem. Svoboda and the Ukrainian Far Right. Paper presented at the Eighth Annual Danyliw Research Seminar on Contemporary Ukraine. University of Ottawa, 1-3 November 2012.

⁶ Уmland А. «Негражданское общество» в России: некоторые концептуальные рассуждения на тему социального контекста и политического потенциала трансформации постсоветских праворадикальных сил // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2005. № 2. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Umland%20richtig.pdf>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

военного времени ультранационалистическими идеями, а также частичной инфльтрацией неполитических организаций активистами НСДАП⁷.

Неслучайно, что некоторые функционеры «Свободы» имеют заметный интерес к межвоенному европейскому фашизму, включая его немецкие разновидности, такие как «левые» течения в НСДАП (напр. штрассеризм) или некоторые представители «консервативной революции»⁸. Но все же «Свободу» не стоит классифицировать ни как нацистскую, ни как неонацистскую партию. Социал-национализм «Свободы»⁹ продолжает не германский национал-социализм, а, скорее, идеологическую традицию ОУН, её идеологов, таких как Ярослав Стецко, и близких к ней теоретиков, таких как Дмитрий Донцов. Некоторые из вдохновителей и лидеров ОУН, правда, в свою очередь находились под влиянием европейского фашизма, не в последнюю очередь НСДАП и немецкой «консервативной революции»¹⁰. Но в целом, «Свободу» можно только условно отождествлять с германским классическим фашистским движением. Как бы там не было, пример немецкого межвоенного времени иллюстрирует, что парадоксальная инструментализация гражданского общества – под которым обычно понимается «позитивная», продемократическая структура – ультранационалистическими партиями не является новшеством в истории европейского правого радикализма.

Эти и некоторые другие характеристики «Свободы» являются только на первый взгляд специфическими. Подобные явления на самом деле относительно типичны для радикально националистических движений, аналогичных партии «Свобода». Однако существует и несколько особенностей, которые выделяют украинский правый экстремизм из ряда подобных явлений в других странах.

Особенность № 1: Реальная внешняя опасность для Украины

Возможно, самую важную особенность общего контекста взлета «Свободы» представляет собой геополитическое положение украинского государства. Патологический страх отчуждения и навязчивые теории заговоров большинства пра-

---

⁷ Umland A. Rechtsextremes Engagement jenseits von Parteien. Vorkriegsdeutschland und Russland im Vergleich // Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen. 2008. Vol. 21. № 4. P. 63-67.

⁸ Возняк Т. Неонацизм і ВО «Свобода» // Українська правда. 27 жовтня 2011. <http://www.pravda.com.ua/articles/2011/10/27/6708115/>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

⁹ Ілленко А. Соціал-націоналізм і революція // Українська правда. 2 березня 2011. <http://www.pravda.com.ua/columns/2011/03/2/5976089/>. Последнее посещение 22 сентября 2013; Михальчишин Ю. Аксиоми соціал-націоналізму // Ватра: націонал-революційний часопис. 2011. 15 березня. <http://www.vatra.cc/sotsial-natsionalizm/aksiomy-sotsial-natsionalizmu.html>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

¹⁰ См. напр.: Стецко Я. Без національної революції немає соціальної // Ватра: націонал-революційний часопис. 2008. 10 липня. <http://www.vatra.cc/nashi-klyasyky/yaroslav-stetsko-bez-natsionalnoyi-revoljutsiyi-nemaye-sotsiyalnoyi.html>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

возэкстремистских партий в прошлом и настоящем можно интерпретировать как политическую психопатию или ксенофобскую манию преследования. Однако в случае Украины суверенитет и идентичность украинской нации подвергаются реальной и существенной внешней опасности со стороны путинской России. Остроту этой угрозы широко признают не только украинские, но также и многие международные независимые наблюдатели, которых волнует безопасность и стабильность украинского государства.

Ведущие российские политики и интеллектуалы на протяжении последних двадцати лет неоднократно в явном или скрытом виде давали понять, что они не считают существующую государственную границу между Украиной и Российской Федерацией полноценной и окончательной. Некоторые из них даже заявляли о том, что они не признают независимость Украины и самостоятельность ее культуры. Например, Дмитрий Рогозин, с недавнего времени заместитель председателя правительства РФ, в своей вышедшей в 2006 г. книге *Враг народа* назвал Крым и «Малороссию» «родовой территорией русской нации»¹¹. Не составит труда найти подобные высказывания в отношении Украины и у других более или менее высокопоставленных представителей российской политической и интеллектуальной элиты.

Ярко выраженная русофобия СНПУ/«Свободы» в этом свете выглядит менее патологичной, чем доминирующая в классическом европейском правом экстремизме теория о жидомасонском мировом заговоре. И хотя антисемитские идеи, например, концепция «жидокоммуны», играют немалую роль и в историческом, и в современном украинском ультранационализме¹², они – как раньше, так и сейчас – отодвинуты на задний план угрозой в лице бывшего царского или советского и современного российского руководства. Враждебность к Кремлю и его политике в отношении Украины представляет собой важное связующее звено между радикальным украинским ультранационализмом с одной стороны, и различными национал-либерально или национал-демократически ориентированными политическими и интеллектуальными течениями Украины с другой – альянс, к которому мы вернемся ниже.

---

¹¹ Рогозин Д.А. Идеология национального возрождения. <http://greatrussian.narod.ru/publications/rogozin2.html>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

¹² Rudling P.A. Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence and Ideology // *Canadian-Slavonic Papers*. 2006. Vol. 48. № 1-2. P. 81-119; idem. Anti-Semitism and the Extreme Right in Contemporary Ukraine // *Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe: From Local to Transnational* / Ed. E. Gond & B. Jenkins. L., 2012. P. 189-205; Лихачев В. Место антисемитизма в идеологии и пропаганде Всеукраинского объединения «Свобода» // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2013. № 1. В печати.

Особенность № 2: Географическая концентрация ядерного электората

Вторая особенность – это противоречие между высокой концентрацией электората радикального национализма в Западной Украине, особенно на Галичине, с одной стороны, и, одновременно с этим, общеукраинскими притязаниями «Свободы», с другой. Выражено региональный характер ядерного электората партии Тягнибока был сглажен на последних парламентских выборах высоким количеством рассмотренных ниже протестных, тактических и стратегических избирателей «Свободы» в центральной и восточной Украине. Но социологические опросы и общая картина мотивации избирателей, проголосовавших за «Свободу», а также за другие идеологически аналогично направленные партии, например, Украинскую национальную ассамблею (УНА), последних двадцати лет указывают на существенный географический дисбаланс¹³. Они демонстрируют, что группировки подобного рода имеют стабильную и широкую поддержку только в некоторых западноукраинских, в особенности в трех галицких, областях.

Причиной этому вряд ли является некая особая склонность западных украинцев к ксенофобии. Скорее – помимо упомянутой инфильтрации гражданского общества функционерами «Свободы» – важным фактором поддержки радикальных националистов является то высокое значение, которое имеет история Организации украинских националистов (ОУН), в особенности ее бандеровской фракции, для этнической самоидентификации многих галичан¹⁴. При этом ОУН(Б) понимается многими западными украинцами не как фашистская партия, а как апогей национального освободительного движения или орден самых мужественных и храбрых героев всей национальной истории Украины. Националистическое преклонение, вплоть до обожествления, Бандеры и Ко. усиливается трагичной личной судьбой многих тогдашних ультранационалистов и их семей, которые стали жертвами преследований советского режима, или же, как, например, в случае с двумя братьями Бандеры, попали под колеса нацистской политики уничтожения¹⁵.

---

¹³ Панина Н.В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2006. № 1 (81). С. 26-38; Паниотто В.И. Динамика ксенофобии и антисемитизма в Украине (1994-2007) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1. С. 197-214.

¹⁴ Marples D. Stepan Bandera: The Resurrection of a Ukrainian National Hero // Europe-Asia Studies. Vol. 58. № 4, 2006. P. 555-566; Katchanovskii I. Terrorists or National Heroes? Politics of the OUN and the UPA in Ukraine // Academia.edu. 1 января 2010. http://www.academia.edu/454566/Terrorists_or_National_Heroes_Politics_of_the_OUN_and_the_UPA_In_Ukraine. Последнее посещение 22 сентября 2013.

¹⁵ Umland A. Der ukrainische Nationalismus zwischen Stereotyp und Wirklichkeit: Zu einigen Komplikationen bei der Interpretation von befreiungs- vs. ultranationalistischen Tendenzen in der modernen Ukraine // Ukraine-Analysen. 2012. № 107. P. 7-11.

«Свобода» и другие подобные ей партии постсоветской Украины недвусмысленно позиционируют себя в качестве организаций-последователей ОУН(Б) и соперничают между собой за право считаться легитимными наследниками самого радикального крыла антисоветского украинского освободительного движения¹⁶. Культ вокруг Бандеры и некоторых других руководителей ОУН на Галичине и в меньшей степени какая-то особая правоэкстремистская предрасположенность населения региона, видимо, послужил катализатором для глубокого проникновения ультранационалистов в «третий сектор» трех галицких областей и причиной особенно впечатляющих успехов «Свободы» на последних выборах у избирателей Львова, Тернополя и Ивано-Франковска.

Как указано, само по себе узко региональное, а не общенациональное укоренение праворадикальной или правопопулистской партии не является уникальным феноменом в Европе. Частичным аналогом «Свободы» в этом отношении выступают, например, упомянутый «Фламандский интерес» (Vlaams Belang) в Бельгии или же «Северная лига» (Lega Nord) в Италии. Существенным отличием между этими западноевропейскими партиями и «Свободой» однако является то, что первые ориентированы неприкрыто сепаратистски и отрицают легитимность сегодняшних границ Бельгии и Италии. «Свобода» же видит себя как национальное движение в широком смысле и называет себя «Всеукраинским объединением». «Фламандский интерес» и «Северная лига» недвусмысленно требуют отделения Фландрии от бельгийского и Падании от итальянского государств соответственно. «Свобода», напротив, решительно пропагандирует усиление украинского унитарного государства и настойчиво презентует себя как общеукраинскую политическую силу.

Но, парадоксальным образом, свободовцы одновременно с этим форсируют героизацию ОУН, что раскалывает Украину. Культ вокруг Бандеры и Ко. наталкивается на неприятие у большинства русскоговорящего населения юга и востока страны, так как бойцы ОУН-УПА воспринимаются в этих областях страны не как герои, а как предатели Украины. По этой причине многие ответственно рассуждающие умеренно националистические украинские интеллектуалы и политики стараются избегать политических дебатов по этой неоднозначной теме. Они понимают, что такие дискуссии только подрывают попытку создания единой украинской политической нации. «Свободе», же, равно как и в случае с ее амбивалентным отношением к неэтническим украинцам, трудно не наступать на эти грабли. Как ее этноцентристское понимание политики, так и ее обожествление Бандеры являются коренными составляющими ультранационалистического ми-

---

¹⁶ Kuzio T. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine before and after Independence: The Right and its Politics, 1989-1994 // Nationalities Papers. 1997. Vol. 25. № 2. P. 211-242; Rudling P.A. The Return of the Ukrainian Far Right: The Case of VO Svoboda // Analyzing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text / Ed. R. Wodak, J.E. Richardson. L., 2012. P. 228-255.

ровоззрения «Свободы». Ее представителям будет сложно промолчать эти темы – даже если они, возможно, понимают губительные эффекты их этноцентристского и исторического дискурсов для украинского государства.

Украинские националисты, наверное, правы, когда указывают на то, что негативное отношение многих украинцев к ОУН-УПА в значительной мере является результатом советской пропаганды в прошлом и российского «черного пиара» сегодня. Вряд ли негативное отношение многих простых украинцев к ОУН-УПА является результатом их ознакомления с новейшими международными историческими исследованиями военной Украины¹⁷. Однако сомнительность источника какого-либо исторического суждения не обесценивает автоматически его содержание. Кремлевская агитация, с одной стороны, и мейнстрим как украинской, так и западной историографии, с другой, аргументируют различным образом и имеют противоположенные цели. Тем не менее, их позиции сходятся как, в основном, негативном видении в частности ОУН(Б), так и в отрицании ряда попыток национально ориентированных украинских публицистов обелить историю украинского радикального национализма¹⁸.

Например, на сегодняшний день, наверное, самый известный в мире и популярный в Украине историк современной Восточной Европы, профессор Йельского университета (США) Тимоти Снайдер, называет Бандеру не иначе как «фашистом»¹⁹. Хотя определение «фашизм» употребляется не всеми коллегами-историками Снайдера, ряд других известных ученых, пишущих о Восточной Европе и Второй Мировой войне, рассматривают идеологию и деятельность лидеров бандеровской фракции ОУН в похожем ключе и, по крайней мере, косвенно ставят под вопрос уместность героизации Бандеры и Ко. на Галичине и в украинской диаспоре. Среди них, например, Омер Бартов (Брауновский университет, США)²⁰, Франк Голчевский (Гамбургский университет, Германия)²¹, Джон-Пол Химка (Альбертский университет, Канада)²² или Дитер Польш (Клагенфуртский

---

¹⁷ Напр.: Касьянов Г. До питання про ідеологію Організації Українських Націоналістів (ОУН): аналітичний огляд. Київ, 2003.

¹⁸ Рудлинг П.А. Ющенків фашист: культ Бандери в Україні та Канаді // Страсті за Бандерою: статті та есеї / Упоряд. Т.С. Амар, І. Балинський, Я. Грицак. Київ, 2010. С. 237-309; Rossolinski-Liebe G. Debating, Obfuscating and Disciplining the Holocaust: Post-Soviet Historical Discourses on the OUN-UPA and Other Nationalist Movements // East European Jewish Affairs. 2012. Vol. 42. № 3. P. 199-241.

¹⁹ Snyder T. A Fascist Hero in Democratic Kiev // The New York Review of Books Blog. 24 февраля 2010. <http://www.nybooks.com/blogs/nyrblog/2010/feb/24/a-fascist-hero-in-democratic-kiev/>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

²⁰ Bartov O. Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine. Princeton, 2007.

²¹ Golczewski F. Deutsche und Ukrainer 1914-1939. Paderborn, 2010.

²² Himka J.-P. Ukrainians, Jews and the Holocaust: Divergent Memories. Saskatoon, 2009; idem. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // Canadian Slavonic Papers. 2011. Vol. 53. № 2-4. P. 209-43; idem. Debates in Ukraine over Nationalist Involvement in the Holocaust, 2004-2008 // Nationalities Papers. 2011. Vol. 39. № 3. P. 353-370.

университет, Австрия)²³. Однозначно критические интерпретации ультранационалистических аспектов политической идеологии, разных действий и сегодняшнего прославления ОУН(Б) можно найти и у других исследователей. В их рядах, например, Тарик Амар²⁴, Карел Беркгофф²⁵, Франциска Брудер²⁶, Александр Зайцев²⁷, Ирена Канторович²⁸, Иван Качановский²⁹, Тарас Курыло³⁰, Гжегож Мотыка³¹, Гжегож Россолински-Либе³², Пер Рудлинг³³, Марко Царынный³⁴, Вильфрид Йилге³⁵, Кай Штруве³⁶ и Антон Шеховцов³⁷.

---

²³ Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941-1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München, 1997; idem. Ukrainische Hilfskräfte beim Mord an den Juden // Die Täter der Shoah: Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche / Ed. G. Paul. Göttingen, 2002. P. 205-236; Pohl D. Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine: A Research Agenda // Shared History – Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939-1941 / Ed. E. Barkan, E.A. Cole, K. Struve. Leipzig, 2007. P. 305-313.

²⁴ Amar T.C. Different but the Same or the Same but Different? Public Memory of the Second World War in Post-Soviet Lviv // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. № 3. P. 373-396.

²⁵ Berkhoff K.C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule. Cambridge, MA, 2004.

²⁶ Bruder F. «Den Ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN) 1929-1948. Berlin, 2007.

²⁷ Зайцев А. Украинский интегральный национализм в поисках «особого пути» (1920-1930-е годы) // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 38-40; Зайцев О.Ю. Український націоналізм та італійський фашизм (1922-1939) // Україна Модерна. 2012. 3 січня. <http://www.uamoderna.com/md/98-zaitsev>; idem. ОУН і авторитарно-націоналістичні рухи міжвоєнної Європи // Український історичний журнал. 2012. № 1. P. 89-102.

²⁸ Cantorovich I. Honoring the Collaborators: The Ukrainian Case // Tel Aviv University Kantor Program Papers. 2012. June. http://www.kantorcenter.tau.ac.il/sites/default/files/ukraine-collaborators_4.pdf. Последнее посещение 22 сентября 2013.

²⁹ Katchanovski I. The Politics of World War II in Contemporary Ukraine. Paper presented at the 18th Annual World Convention of the Association for the Study of Nationalities, Columbia University, New York, April 18-20, 2013. http://academia.edu/3378079/The_Politics_of_World_War_II_in_Contemporary_Ukraine. Последнее посещение 22 сентября 2013; Качановський І. Сучасна політика пам'яті на Волині щодо ОУН(Б) та нацистських масових вбивств // Україна Модерна. 2013. 3 квітня. <http://www.uamoderna.com/md/199>. Последнее посещение 22 сентября 2013; idem. ОУН(Б) та нацистські масові вбивства літом 1941 року на історичній Волині // Україна Модерна. 2013. № 20. В печати.

³⁰ Курыло Т., Химка І. Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна Модерна. 2008. № 2 (13). P. 252-265; Kurylo T. The «Jewish Question» in the Ukrainian Nationalist Discourse of the Interwar Period // Polin: Studies in Polish Jewry. 2012. Vol. 26. В печати.

³¹ Motyka G. Ukraińska partyzantka 1942-1960: Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii. Warszawa, 2006.

³² Rossolinski-Liebe G. The «Ukrainian National Revolution» of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. № 1. P. 83-114.

³³ Rudling P.A. Theory and Practice: Historical Representation of the War Time Activities of the OUN-UPA (the Organization of Ukrainian Nationalists - the Ukrainian Insurgent Army) // East European Jewish Affairs. 2006. Vol. 36. № 2. P. 163-189; idem. The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 2107. Pittsburgh, 2011.

³⁴ Berkhoff K.C., Carynyk M. The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude toward Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 *Zhyttiepys* // Harvard Ukrainian Studies. 1999. Vol. 23. №

Как бы то ни было, экспертная дискуссия о правильности и значении тех или иных исторических фактов и интерпретаций касательно ОУН(Б) имеет только ограниченное политическое значение. Влияние ученых на историческое сознание широких слоев населения – опосредованно и долгосрочно. Оно происходит в основном путем изменений в школьных учебниках, эффект от которых можно будет наблюдать только через многие годы. Лишь изредка историки имеют возможность регулярно появляться в СМИ, а в постсоветских государствах такими теле-экспертами часто являются самоучки-дилетанты, авторитет которых нивелируется как низким качеством их высказываний, так и отсутствием профессионального признания их выводов и суждений. Какими бы ни были причины раскола в историческом сознании украинцев и как бы ни развивалась дискуссия среди исследователей новейшей украинской истории – в ближайшие годы следует ожидать, что негативное отношение подавляющего большинства южных и восточных украинцев к ОУН-УПА не изменится. Наоборот, в свете новых научных публикаций о деятельности ОУН(Б) оно может скорее усилиться³⁸.

На этом фоне демонстративное самопозиционирование свободовцев как новых бандеровцев выглядело бы логичным, если бы партия Тягнибока была, как, например, «Фламандский интерес» или «Северная лига», сепаратистской силой. Политическая пропаганда исторической мифологии «Свободы» имела бы смысл в контексте требований отделения, например, Галичины от Украины, как это иногда предлагают некоторые галицкие автономисты. Но партия «Свобода», напротив, неустанно подчеркивает, что она руководствуется принципом «соборности», т.е. объединения и сохранения Украины в ее сегодняшних границах, и что она намерена распространять сферу своего влияния на юг и восток страны. Возможно, свободовцам действительно удастся создать ячейки стабильной electoralной поддержки в левобережной Украине. Тем не менее, такая ярко пробандеровская партия как «Свобода» останется для большинства русскоговорящих украинцев – включая даже некоторых ксенофобов среди них – скорее фактором их отчуждения от идеи соборной украинской нации, чем причиной их привлечения к проекту национального единения. Вхождение «Свободы» как самообъявленной партии-последовательницы ОУН(Б) в украинский парламент будет спо-

---

3-4. P. 149-184; Carynnyk M. Foes of Our Rebirth: Ukrainian Nationalist Discussions about Jews, 1929-1947 // *Nationalities Papers*. 2011. Vol. 39. № 3. P. 315-352.

³⁵ Jilge W. Nationalukrainischer Befreiungskampf: Die Umwertung des Zweiten Weltkrieges in der Ukraine // *Osteuropa*. 2008. Vol. 58. № 6. P. 167-186.

³⁶ Struve K. Rites of Violence? The Pogroms of Summer 1941 // *Polin: Studies in Polish Jewry*. 2012. Vol. 24. P. 257-274.

³⁷ Shekhovtsov A. By Cross and Sword: «Clerical Fascism» in Interwar Western Ukraine // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2007. Vol. 8. № 2. P. 271-285.

³⁸ Напр.: Finder G.N., Prusin, A.V. Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust // *East European Jewish Affairs*. 2004. Vol. 34. № 2. P. 95-118.

собствовать дальнейшему углублению и без того вызывающего беспокойство политического раскола страны.

Возможно, в этой связи за взлетом «Свободы» с интересом наблюдают и неоимперски настроенные российские националисты. Рост политического присутствия «Свободы» косвенно поддерживает неприкрытую политику «разделяй и властвуй» Кремля в отношении Украины. Популярность «Свободы» облегчает практикуемую уже в течение двух десятилетий российскими и прорусскими украинскими СМИ диффамацию жителей Западной Украины, а также национально ориентированной киевской интеллигенции и украинской диаспоры, которые в относительном большинстве проголосовали на парламентских выборах 2012 г. за «Свободу». В худшем случае все это может привести к усилению разобщенности разных частей неконсолидированной политически украинской нации.

Особенность № 3: Отсутствие «санитарного кордона»

Одной из составляющих успеха «Свободы» в прошедшем году стал тот факт, что главная демократическая партия Украины «Батьківщина» еще перед парламентскими выборами вошла в официальный союз со «Свободой»³⁹. Позднее в новой Верховной Раде образовалась коалиция украинских демократических партий и радикальных националистов. Тем самым, политическая позиция украинских демократов, в особенности «Батьківщини», отклоняется от т.н. политики «санитарного кордона», которой придерживаются политические центристы ЕС в отношении подобных «Свободе» партий. Политика «санитарного кордона» со стороны европейских демократических партий проводится, например, в отношении бывших коллег Тягнибока по т.н. Альянсу европейских национальных движений, в который входили, помимо «Свободы», французский Национальный фронт, Британская национальная партия или болгарская «Атака» (как наблюдатель). Эти скорее правоэкстремистские, чем правопопулистские партии имеют, как и «Свобода», ту или иную электоральную поддержку, но в своих странах они, в отличие от «Свободы», общественно стигматизированы и политически изолированы.

Общая позиция умеренно правых демократических партий стран-членов ЕС заключается в том, что они избегают сотрудничества с правыми экстремистами будь-то в предвыборной борьбе или же в парламентах европейских стран. «Батьківщина» своей коалиционной политикой отошла от этой директивы. Она также проигнорировала обращение на сайте *Change.org* некоторых ведущих украинских гуманитариев, журналистов, экспертов и обществоведов к Комитету

---

³⁹ Gosh M. The Extreme Right in Ukraine. Friedrich-Ebert-Stiftung International Policy Analysis. 2012. October. <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/09407.pdf>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

против диктатуры о том, чтобы исключить из этого Комитета «Свободу». И это несмотря на то, что призыв политических специалистов также появился на веб-сайтах еженедельника *Kyiv Post* (на английском) и ежедневной газеты *День* (на украинском) и был подписан такими известными украинскими интеллектуалами, как Юрий Макаров, Андрей Мокроусов, Виктория Сюмар (Киев), Оксана Пахльовська (Рим) и Тарас Возняк (Львов)⁴⁰.

Можно, правда, назвать несколько случаев, когда и демократические партии стран-членов ЕС не придерживались политики «санитарного кордона» в отношении правых радикалов. Так, например, в 2006-2007 гг. праворадикальная т.н. Лига польских семей смогла войти в состав правого коалиционного правительства Ярослава Качинского, а в 2006-2010 гг. ультраправая Словацкая национальная партия вошла в состав социал-демократического коалиционного правительства Роберта Фицо. Такие сотрудничества резко критиковались как в самих Польше и Словакии, так и в рамках ЕС. Эти и им подобные явления представляют собой исключения, подтверждающие правило, которое состоит в том, что в Европейском Союзе праворадикальные партии не допускаются к общему политическому процессу.

На эти сравнения часто можно услышать возражение, что в Украине ситуация несколько иная, чем в ЕС, и что украинские демократы, в отличие от своих западных коллег, находятся в эпицентре стремительной политической трансформации. Они вынуждены не только конкурировать с авторитарно настроенной Партией регионов и реакционно ориентированной КПУ. Украинские демократы также оперируют в специфических условиях гибридной политической системы и «олигархического» общественного устройства. Возможно, эта особенная констелляция оправдывает действия украинских демократов, отличающийся от политики «санитарного кордона» в стабильных странах-членах ЕС, но дальновидность подобной стратегии украинских демократов еще должна себя показать.

Например, уже сейчас возникает подозрение, что подобная стратегия «Батьківщини» привела к амбивалентному результату, так как вследствие своего официального сотрудничества с Тягнибоком она, возможно, потеряла некоторый процент собственных избирателей. В своей предвыборной кампании лидеры всей Объединенной оппозиции – как, впрочем, и десятки демократически настроенных украинских журналистов – сделали многое для того, чтобы обелить прежний околофашистский имидж социал-националистов. «Свобода», не в последнюю очередь благодаря своему стабильному альянсу с «Батьківщиной», крупнейшей демократической партией Украины, за последний год значительно

---

⁴⁰ Committee Against Dictatorship: Re-consider the inclusion of Svoboda into the CAD / Ed. Oleksii Yakovchenko // Change.org. 2012. April. <http://www.change.org/petitions/committee-against-dictatorship-re-consider-the-inclusion-of-svoboda-into-the-cad>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

улучшила свою репутацию у многих украинцев – явление, которое отличает «Свободу» от остальных праворадикальных партий Европы.

Особенность № 4: Различная мотивация избирателей «Свободы»

Последняя особенность партии «Свобода» – это некогерентный круг избирателей украинских правых экстремистов на последних парламентских выборах. Сегодня еще нет детальных аналитических работ по этому вопросу. Поэтому здесь можно выдвинуть пока лишь предварительную гипотезу о том, что это отличие украинского ультранационализма послужило важной причиной значительного расхождения большинства предвыборных прогнозов с фактическими результатами партии на выборах осени 2012 г.

Результаты опросов еще за несколько недель до выборов удивляли тем, что круг уже тогда определившихся избирателей «Свободы» был настроен не менее проевропейски, нежели сторонники партий «Батьківщина» и УДАР⁴¹. В то время как 65% и 69% избирателей двух демократических партий поддерживали вступление Украины в ЕС, этот показатель у избирателей «Свободы» составил в сентябре 2012 64%. В вопросах о вступлении в российско-казахстанский-белорусский Таможенный Союз (против 57% и 47% избирателей «Батьківщины» и УДАРа соответственно и 69% избирателей «Свободы»), а также о вступлении в НАТО (55%, 49% и 42% соответственно против вступление в организацию) даже был выявлен некий разрыв между демократами и ультранационалистами: избиратели «Свободы» значительно более скептически относятся к ТС и менее негативно к НАТО, чем избиратели демократических партии.

Видимо, ряд избирателей, проголосовавших за «Свободу», нельзя назвать ксенофобами, а часть из них даже не стоит квалифицировать националистами⁴². Значительная часть поддержавших партию граждан Украины проголосовала за «Свободу» скорее не по идеологическим, а по тактическим или же стратегическим причинам. Для полного анализа ситуации еще не хватает подробных социологических исследований прошедших выборов, но уже сейчас находятся свидетельства того, что относительно высокая поддержка радикальных националистов в более чем 10% на парламентских выборах далеко превосходит фактическое количество сторонников программы партии «Свобода» среди населения Ук-

---

⁴¹ Опрос: Сторонники ПР и КПУ хотят в Таможенный союз, а Батьківщины, УДАРа и Свободы – в ЕС // *Korrespondent.net*. 2012. 1 октября. <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1401316-opros-storonniki-pr-i-kpu-hotyat-v-tamozhennyj-soyuz-a-batkiivshchiny-udara-i-svobod-v-yes>. Последнее посещение 22 сентября 2013.

⁴² Белицер Н. Всеукраинское объединение «Свобода» и его электорат в контексте парламентских выборов 2012 г.: ожидания, результаты, оценки, перспективы // *Идеология и политика*. 2013. № 2(4). В печати.

раины. Так, например, два популярных оппозиционных журналиста, Мустафа Найем и Соня Кошкина, демонстративно заявили перед выборами, что они собираются голосовать за «Свободу». Пикантным было при этом то, что Найем не является коренным этническим украинцем, а Кошкина – известная русскоговорящая журналистка. Тем самым оба журналиста относятся к тем группам населения, против нерегулированного присутствия которых в общественной жизни Украины направлена идеология «Свободы».

Еще более поразительными оказались результаты анализа данных Национального экзит-полла (около 20 тысяч респондентов), проведенного непосредственно после голосования, 28 октября 2012. Согласно этим данным электорат «Свободы» оказался с отрывом самым образованным и городским: 48% опрошенных избирателей «Свободы» указали, что они имеют диплом о высшем образовании, а 47,5% оказались жителями областных столиц. Эти данные значительно выше аналогичных показателей других крупных украинских партий. Такие характеристики также отличают избирателей «Свободы» от приверженцев националистических партий в других европейских странах. Развернутая социологическая апробация и интерпретация этих особенностей избирательных решений украинской интеллигенции еще только начинается. Пока что можно выдвинуть только следующие предварительные объяснения выбору украинцев, которые еще предстоит проверить и специфицировать.

Явно идеологически мотивированный экстремистский электорат «Свободы» составляет, возможно, менее половины от общего числа избирателей партии. А у неидеологической части избирателей можно выделить три возможных мотива для их голоса в пользу «Свободы». Первую группу составляют те избиратели «Свободы», которые хотели таким образом выразить свой протест против воспринимаемой как антиукраинская политики правительства Януковича-Азарова – например, против странной пророссийской деятельности министра образования Украины Дмитрия Табачника. По этой причине эти – условно говоря – «полуидеологические» избиратели решили проголосовать за наиболее демонстративно «проукраинскую» известную партию Украины.

Вторую группу представляют стратегически ориентированные избиратели, которые отдали свои голоса «Свободе» для того, чтобы обеспечить правительству наиболее жесткую оппозицию. Оранжевые фракции дискредитировали себя среди прочего тем, что многие их депутаты, которых после победы Януковича на президентских выборах 2010 года называли «тушками», предали свой мандат, т.е. по разным причинам перешли на сторону правительственной коалиции. На этом фоне «Свобода», видимо, зарекомендовала себя для многих избирателей как, в первую очередь, партия с ясной позицией и жесткой дисциплиной, которая удержит своих депутатов в оппозиционной коалиции и будет последовательно оппонировать правительству.

Кроме того, по сравнению с расплывчатыми программами партий «Батьківщина» и УДАР, которые только частично отличаются от официальной программы Партии регионов⁴³, идеологический профиль «Свободы» кажется острее. Подчеркнутый радикализм вплоть до ярко выраженного революционизма таких ее лидеров, как Андрей Ильенко или Юрий Михальчишин, мог выглядеть в глазах «стратегических» избирателей как преимущество, несмотря на то, что эти избиратели, возможно, не поддерживают саму суть националистической революции, предложенной Ильенко и Михальчишиным.

Третью группу составили избиратели, которых можно обозначить как «тактические» в том смысле, что они сделали свой выбор на базе конкретных вызовов октября 2012 года. Этих хорошо информированных избирателей можно, в чем-то, сравнить с частью электората немецкой СвДП (FDP) – либеральной партии ФРГ, народная поддержка которой обычно колеблется вокруг пятипроцентного барьера для вхождения в Бундестаг. Основываясь на неясных предвыборных прогнозах для «Свободы» – около 5%, тактические избиратели хотели гарантировать третьей оппозиционной партии вхождение в парламент.

Иными словами, главной мотивацией этих антиправительственных избирателей послужило то, что, отдавая свой голос «Свободе», они помогут приблизить партию к тому, чтобы та пересекла пятипроцентный барьер и, таким образом, оппозиция не потеряла идеологический электорат ультранационалистов, который составляет до 5% населения (в основном, западной) Украины. Только впоследствии выяснилось, что такая тактическая поддержка оказалась ненужной, поскольку результат «Свободы» более чем в два раза превысил процентный барьер для вхождения в парламент. Партия Тягнибока скорее всего попала бы в Раду и без голосов ее многочисленных не- или даже антинационалистических избирателей.

Перспективы

Значение этих наблюдений для развития украинской партийной системы станет более ясным в ходе парламентской деятельности «Свободы». Если партия Тягнибока будет и далее руководствоваться ультранационалистическими мотивами, то многие неэкстремистские избиратели, наверное, будут раскаиваться в своем выборе 28-го октября 2012 г. Партия могла бы, под давлением растущего внимания общественности, преобразоваться в национально-демократическую силу и тем самым постараться удержать свой сегодняшний неэкстремистский электорат. То, что подобная трансформация в принципе не исключена, демонстрирует пример пошагового превращения основанной однажды самим Муссолини итальян-

---

⁴³ Ідеологічне позиціонування політичних партій в Україні / Упоряд. Укр. незалеж. центр політ. дослідж. (С.Г. Конончук, О.А. Ярош). К., 2013.

ской фашистской партии – от Partito Nazionale Fascista через Movimento Sociale Italiano к Alleanza Nazionale – в консервативную политическую силу, которая, в конечном счете, влилась в правоцентристскую итальянскую партию Народ свободы (Il Popolo della Libertà).

Отдельные бывшие украинские радикальные националисты, как, например, Андрей Шкиль или Андрей Парубий, уже прошли похожую трансформацию на индивидуальном уровне, и сегодня их можно причислить к национал-демократам⁴⁴. Однако, ввиду многочисленных скандальных высказываний и действий разных представителей партии Тягнибока за первую половину 2013 г., пока кажется мало вероятным, что активисты «Свободы» выберут этот курс и преобразуют свою уже парламентскую партию в умеренную политическую силу. Вопреки многочисленным патриотическим заявлениям свободовцев, они по всей вероятности будут не способствовать политической консолидации и европейской интеграции Украины, а скорее препятствовать им.

---

⁴⁴ Умланд А., Шеховцов А. Націонал-екстремізм, що не відбувся? Праворадикальна партійна політика в пострадянській Україні та загадка електоральної маргінальності українських ультранационалістів у 1994-2009 роках // Політична критика. 2011. № 2. Р. 17-34.